

Ковалёва Н.Н.

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН КАК ИНДИКАТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Введение. Проблема формирования исторической памяти приобрела особую актуальность, особенно для новых постсоветских и постсоциалистических государств, возникших в процессе распада Советского Союза и социалистического лагеря. Утверждая своё право на суверенитет, эти государства неизбежно обращаются к понятию национальной идентичности. В формировании национального самосознания, как основы национальной идентичности, огромную роль играет национальная историческая память. При исследовании феномена национальной исторической памяти автор использовал систему индикаторов памяти, предложенную белорусским учёным Алексеем Ластовским [1], согласно которой важнейшим индикатором является выделение ключевых событий в истории Беларуси (как вызывающих гордость, так и горечь). Автором статьи не проводились собственные исследования (опросы общественного мнения), а были использованы факты, которые приводят в своих публикациях белорусские (Алексей Ластовский, Вячеслав Носевич, Татьяна Островская, Вадим Гигин) и российские (Тесля А.А. и Нарочницкая Н.А.) учёные. На основании этих данных, а также знаний по предмету исследования, полученных в процессе длительной педагогической деятельности автора, используя логические методы сравнения и обобщения, специальные исторические методы: историко-генетический и историко-типологический, автор статьи пришёл к определённым выводам, о которых будет сказано в заключении.

Белорусы не относятся к числу тех счастливых народов, которые имеют единую национальную историю. Французский философ и социолог Морис Хальбвакс назвал её «достоверным изложением наиболее важных событий, преобразовавших жизнь нации» [2]. Все значимые события белорусской истории только на протяжении XX в. толковались и перетолковывались диаметрально противоположным образом. Это результат так называемой исторической политики, проводимой находящимися у власти политическими силами, которые использовали историческую науку как средство закрепления в массовом сознании конкретной интерпретации истории с целью подтверждения своего права на власть и правильности избранного пути развития. Бурные события XX в.: гибель Российской империи, приход к власти большевиков и утверждение советской государственности, затем распад Советского Союза и социалистического лагеря повысили степень политизации истории и роль исторической политики.

Историческая память, понимаемая как «коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донанучных, научных, квазинаучных и вне научных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [3], формируется под воздействием многих факторов. Наши представления о прошлом определяла именно власть, потому что коммуникативная память, формирующаяся на базе личного опыта прошлого, индивидуальных биографий, оказалась неполной и искажённой. Хотя многие события происходили совсем недавно: с 1914 г. по 2014 г. – это время жизни трёх-четырёх поколений – очагов семейной памяти почти не осталось. Белорусы чаще стремились забыть, чем сохранить историю семьи, особенно если среди предков были люди непролетарского происхождения, или люди, оказавшиеся по ту сторону баррикад.

В силу того, что оценки многих событий нашей истории со стороны власти менялись, историческая память белорусов оказалась фрагментарной и неоднородной. Наиболее значимым событием в истории Беларуси, которым можно гордиться, для белорусов, конечно же, яв-

ляется победа в Великой Отечественной войне, о чём свидетельствуют результаты социологических исследований, проводившихся в последние годы (Институт социологии НАН Беларуси, «Новак», НИСЭПИ). У белорусов сформировалось представление, что благодаря победе в войне Беларусь отстояла свою государственную независимость. Именно поэтому в соответствии с решениями референдума 1996 г., празднование Дня независимости было перенесено с 27 июля – день принятия Декларации о государственном суверенитете БССР на 3 июля – день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков. Таким образом, в качестве исторической основы белорусской независимости было принято событие не особое, белорусское, уникальное, значимое только для белорусской нации, а имеющее значимость и для многих других народов, общее с другими народами, в первую очередь с русскими, украинцами.

Безусловно, победа в Великой Отечественной войне объединяет нас с другими народами бывшего СССР. Практически однозначно позитивное восприятие победы в Великой Отечественной войне существует и у россиян. По данным российских учёных, 60% россиян считают Победу 9-го мая самой большой победой России за всю её историю. Некоторые российские исследователи объясняют повышенный интерес к событию, имеющему однозначно положительную трактовку, стремлением к «нормализации истории», проявлением тенденции к восстановлению привычных базовых схем интерпретации прошлого, минимизации конфликтных интерпретаций знаковых исторических событий после бурных дебатов 80–90-х гг. [4].

Для белорусов победа в Великой Отечественной войне – это также событие, интерпретируемое положительно. Что касается неоднозначных событий войны и всех явлений этого периода, то они практически публично не обсуждаются. Однако в восприятии победы в массовом сознании россиян и белорусов есть некоторые отличия. Россияне делают акцент на уничтожении фашистского режима и всемирно-историческом значении этого факта, личности Сталина и его роли в победе, что создаёт питательную среду для реставрации сталинизма (в последнее время это становится очевидным). Для белорусов победа означает, в большей степени, спасение от угрозы порабощения и уничтожения. Поэтому для нас память о войне – это, главным образом, память о жертвах и о героях. Таким образом, белорусский народ предстаёт как жертва агрессии и в то же время народ героический, сумевший победить врага благодаря единению с другими братскими народами Советского Союза.

Что касается Первой мировой войны, то здесь не всё так однозначно. Во-первых, среди значимых событий истории в исторической памяти белорусов она занимает второстепенное место. Во-вторых, историческая политика советского времени формировала у людей представления об этой войне как о войне империалистической, события которой стали лишь прологом и катализатором Великой Октябрьской социалистической революции – главного события XX в. Подобная оценка закрепились в исторической памяти, потому что иных в советское время не допускалось. Если в России уже практически ушли от такого восприятия войны, то в Беларуси, где день победы Октябрьской революции всё ещё является государственным праздником и где она определяется как Великая Октябрьская социалистическая революция, а не октябрьский переворот, Первая мировая война остаётся в тени революции. Тем более что крушение империи, ускоренное войной, привело к возникновению на её территории новых государств.

В последнее время к событиям войны проявляют большой инте-

Ковалёва Наталья Николаевна, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

рес как западные, так и российские историки и политологи, которые проводят аналогию между ситуацией начала XX в. и начала XXI в. «Главные стратегические устремления к началу XX века сошлись на европейских морских рубежах России, в Восточной и Юго-Восточной Европе. Интересы сформировавшегося треугольника – Британии, России и Германии – столкнулись на Балканах, в Причерноморье, в регионе проливов, а также на Балтике. Разве это не напоминает нам сегодняшние реалии? Разве ныне мы не видим отражение тех самых противоречий – оттеснение России от Балтики, от Черного моря, от региона проливов, которые теперь ещё стали военноморскими подступами к главному региону мировых ресурсов, к путям транспортировки углеводородов!» – пишет Нарочницкая Н. А., доктор исторических наук, руководитель европейского отделения российского Института демократии и сотрудничества, президент Фонда исторической перспективы [5]. Как видим, российские историки рассматривают войну с точки зрения геополитических интересов России. Всё чаще называют её Великой войной, говорят об оборонительном характере войны для России, которая защищала своё геополитическое пространство, говорят о том, что в военном отношении Россия не потерпела поражения.

Действительно, в начале XX в. Россия находилась в сложной ситуации. В мире было достаточно сил, которые хотели подорвать мощь России. Появлялись даже своеобразные «карты будущего» (впоследствии выявленные и опубликованные зарубежными исследователями), где на месте России размещались так называемые «секулярные (в смысле отделившиеся) республики» [5]. Можно и надо ли было избежать войны, каковы были цели России в войне, кто несёт реальную ответственность за развязывание войны? Эти и многие другие вопросы требуют серьёзного анализа.

Для нас сложность и деликатность проблемы заключается в том, что Беларусь – одна из этих так называемых «секулярных» республик. И если бы Россия реализовала свои геополитические интересы и сохранила целостность западных и южных рубежей, или если бы России удалось избежать войны, возможно, она избежала бы кризиса и развала, а значит, не было бы на её территории отдельных государств. После начала украинского кризиса президент России В. Путин эмоционально заявил, что не было до 1917 г. такого государства – «Украина». Действительно, до 1917 г. не было таких государств, как Украина, Польша, Латвия, Эстония, Беларусь, Финляндия – все они входили в состав Российской империи.

Конечно, надо уходить от стереотипов советского времени. Но нельзя забывать о том, что в нашей памяти Первая мировая война «ушла в тень» не только «на фоне абсолютной событийности Октябрьской революции» [6], но и в сравнении с самым главным для любого народа событием – созданием своего государства. Поэтому, исходя из наших национальных интересов, мы не можем смотреть на Первую мировую войну глазами российских политиков. В этой войне мы не спасали свою национальную государственность, не отстаивали независимость страны, как это было в Великой Отечественной войне. Сам факт существования в независимой Беларуси научно-просветительского проекта «Западная Русь», в рамках которого проводится цикл конференций «Отечественные войны Святой Руси», в частности, конференция, посвящённая Первой мировой войне, представляется, по меньшей мере, парадоксальным, так как способствует распространению идеологии русоцентризма, представляющей белорусов как неотъемлемую часть русского этноса. Потому что сам термин «Западная Русь» возрождает концепцию западнорусизма и ставит под сомнение право белорусского народа на суверенную государственность. Согласимся с мнением А. Ластовского, что современный русоцентризм в Беларуси является идейным преемником западнорусизма XIX века [7]. Впрочем, следует признать, что конкретная деятельность участников проекта по увековечиванию памяти героев Первой мировой войны, в частности, создание Мемориального комплекса на месте Братского воинского кладбища в Минске, заслуживает всяческого одобрения.

Учитывая, что память о Первой мировой войне сейчас практически в обществе не сформирована, необходимо проводить продуманную историческую политику в деле её формирования, не шараясь

из одной крайности в другую. У нас есть общие точки соприкосновения с россиянами и другими народами бывшего СССР – это память о жертвах войны и о героях. Из бюджета союзного государства, как известно, профинансировано создание Мемориального комплекса памяти героев и жертв Первой мировой войны, который был торжественно открыт 1 августа 2014 г. в день 100-летия объявления Германией войны России в городе Сморгонь Гродненской области Беларуси по линии противостояния 1915–1917 годов. В торжественной церемонии открытия приняли участие министр культуры Беларуси Борис Светлов, госсекретарь Союзного государства Григорий Рапота, руководство областной администрации, представители дипломатических миссий Китая, России, Великобритании. Почтить память павших воинов и жертв Первой мировой войны пришли представители Русской Православной церкви и Костела святого Симеона и святой Елены в Минске. Здесь также прошел митинг-реквием и театрализованное представление при участии военно-исторических клубов и униформистских общественных объединений. "Разумеется, Сморгонь достойна такого мемориала, – сказал историк Вячеслав Бондаренко. – Главное в деле увековечения памяти наших героев – не ограничиться одной Сморгонью. Ведь в Беларуси множество мест боевой славы: Поставы, озеро Нарочь, Крево, Вилейка, Барановичи, Полесье, Брест, Гродно. Хочется верить, что сморгонский мемориал станет первым, но не последним" [8]. Российские историки отмечают, что, по сути, единственными артефактами времён войны являются крепости на территории Беларуси. Возможно, что со временем все эти крепости тоже станут своего рода мемориалами, местами памяти. Совместными усилиями, возможно, удастся привести в порядок и захоронения солдат времён Первой мировой войны. Тем более что на территории России таких мест почти не осталось. Белорусские исследователи также считают необходимым увековечивание памяти беженцев, погибших и умерших в Беларуси и в России во время отступления 1915 года. В белорусских семьях жива память о том, что беженцы встретили тёплый приём и нашли на длительное время приют в России и вместе с россиянами преодолевали тяготы военного времени вплоть до возвращения на Родину.

Заключение. Таким образом, в оценке событий Первой и Второй мировых войн проявилась неоднородность исторической памяти белорусов. Если Вторая мировая война воспринимается как важнейшее событие истории, исход которого позволил белорусам отстоять и сохранить свою государственность, то в оценке Первой мировой войны присутствуют разные подходы. С одной стороны, восприятие этой войны происходит через призму последующих более значимых для белорусов событий (Великой Октябрьской революции и обретения национальной государственности), а с другой, достаточно распространёнными в республике являются трактовки Первой мировой войны с позиций русоцентризма. Учитывая это, для формирования национальной исторической памяти необходимо проводить продуманную и взвешенную историческую политику.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ластовский, Алексей. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / Алексей Ластовский // 19 июля 2010 ПОЛИТ. РУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. – Дата доступа: 06.09.2012
2. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. – Часть 1 // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2 – 3 (40 – 41). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. – Дата доступа: 5.09.2012.
3. Соколова, М.В. Что такое историческая память / М.В. Соколова // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. – 2008. – №7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>. – Дата доступа: 16.09.2012.
4. Тесля, А.А. Социокультурная память и стратегии коммеморации Великой Отечественной войны / А.А. Тесля. – Москва; изд-во Яу-

- за, Эксмо; ISBN:978-5-699-32093-6 (Файл в формате PDF) // Библиотека портала ХРОНОС: всемирная история в интернете.
- Нарочницкая, Н.А. Первая мировая война – ключ к истории XX века / Н.А. Нарочницкая / Доклад на научно-практической конференции «Война, смертельно опасная для России...» / 27-28 октября 2008 г. / Фонд исторической перспективы совместно с Библиотекой-фондом «Русское зарубежье». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://topwar.ru/1009-pervaya-mirovaya-vojna-klyuch-k-istorii-xx-veka.html>. – Дата доступа: 05.05.2014.
 - Клецкова, И.М. Первая мировая война и проблемы конструирования культурно-исторической памяти. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.greencross.by/ru/projects/2014-01-14-13-14-11/pereklichka-vekov_pervaya-mirovaya-vona-i-mir-segodnya/
 - mezhdunarodnye-chteniya/materialy-chteni /429-pervaya-mirovaya-vona-i-problemy-konstruirovaniya-kulturno-istoricheskogo-pamyati. – Дата доступа: 16.09.2014.
 - Ластовский, Алексей. Русский национализм как идеологический проект белорусской идентичности / Алексей Ластовский // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. – 2011. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss16.html>. – Дата доступа: 10.09.2014.
 - Бондаренко, В. Чем больше памятников героям Первой мировой войны будет поставлено, тем лучше / В. Бондаренко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://so-l.ru/news/show/14094315>. – Дата доступа: 12.12.2013

Материал поступил в редакцию 04.11.14

KOVALIOVA N.N. Evaluation of events of the First and Second World Wars as an indicator of national historical memory

The author attempts to matching the existing perception among Belarusians events of the First and Second World Wars and the assessment of the significance of these events. It is concluded that certain of these events reflected in the national memory - is primarily the result of the historical policy. Given that the memory of the First World War almost in society is not formed, the task carried out in the Republic of historical policy should be the creation in a society of a uniform assessment of the First and Second World Wars in terms of national interests of Belarusians, which should enhance the uniformity of national historical memory.

УДК 329.14

Моцук А.В.

БУНД И ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ – ОТ КОНФРОНТАЦИИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Являясь одной из наиболее влиятельных еврейских политических партий в межвоенной Польше, Бунд испытывал определённые сложности в налаживании взаимоотношений с другими политическими силами, как в еврейской, так и в не еврейской среде. Следует отметить, что взаимоотношения партии с политическим движением других национальных меньшинств носило спорадический характер и не являлось определяющим фактором в политике партии. Более того, по сообщениям польских спецслужб: «Евреи боятся одного – белорусского движения любой политической ориентации, т.к. считают, что тогда им придёт конец. Тем более что они знают, что в белорусских организациях работают преимущественно балаховцы» [2, л. 11]. Единственной возможностью найти союзников для Бунда стал поиск контактов среди социал-демократических организаций Западной Беларуси.

Одной из наиболее влиятельных политических партий края являлась Польская социалистическая партия (ППС), которая была создана в результате объединения разрозненных социал-демократических организаций бывших польских территорий Австро-Венгрии, Германии и России в апреле 1919 г. На территории Западной Беларуси ППС имела влияние среди промышленного пролетариата, рабочих железнодорожного транспорта и коммунальных служб Белостока, Вильно и Гродно. Во второй половине 20-х гг. XX в. польские власти констатируют её усиление в Полесском и частично в Новогрудском воеводствах.

Объективно, для налаживания сотрудничества между Бундом и ППС существовали как положительные так и отрицательные условия. Основные противоречия между партиями возникали на базе национального вопроса. Во-первых, в определённой степени программа ППС включала националистические тезисы, что негативно воспринималось еврейским населением Западной Беларуси.

Платформа ППС, принятая на XVII съезде партии в 1919 г. и подтверждённая четырьмя годами позже, говорила о полной поддержке нацменьшинств в их праве иметь собственные образовательные учреждения и получать правительственные субсидии для их нужд. Но ППС категорически отклонила национальные требова-

ния, высказанные Бундом и другими еврейскими политическими партиями. Лидеры польских социалистов мотивировали это тем, что евреи – это не национальность и что решение еврейского вопроса лежит только и исключительно в отделении церкви от государства и возможной ассимиляции евреев народами, среди которых они проживают [4, с. 76]. Так представители ППС в первом и втором Сеймах более энергично, чем представители партий правого крыла, выступали против «чрезмерных» требований представителей еврейских политических партий.

Во-вторых, это проблема антисемитизма в среде польского пролетариата. Несмотря на то, что ППС, являясь социалистической партией, антисемитские настроения, особенно среди её рядовых членов, были очень сильны. Бундовская печать конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. полна сообщениями относительно антисемитских актов, в которых были вовлечены рабочие – члены ППС. Так, «Голос Бунда» от 13 июня 1929 г. писал: «Чем сильнее проявления антисемитизма, тем слабее и тише слышны протесты польских социалистов. Не будет преувеличением сказать, что это означает их идеологическую капитуляцию... Антисемитизм находит плодородную почву среди польских рабочих масс, прежде всего из-за глубоко укоренившегося представления, что еврей, даже еврейский рабочий, является существом, заслуживающим презрение, что и заставляет польских социалистов не делать ничего для противодействия антисемитизму. Хотя они и осуждают погромы, но они и не думают последовательно защищать идею, что евреи имеют полные права во всех областях общественной жизни. Польские социалисты относятся к еврейским рабочим как к второразрядным гражданам» [4, с. 81].

Несмотря на то, что лидеры ППС официально негативно относились к проявлениям антисемитизма, они часто оказывались заложниками настроений рядовых членов партии, которые отрицательно относились к любым формам сотрудничества ППС с еврейскими партиями и расценивали такое сотрудничество как «лакейство» перед евреями. Данная позиция ППС мотивировалась стремлением удержать своих сторонников и избирателей, среди которых

Моцук Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.